Bone R. C. Sir Isaac Newton, sepsis and Care // Crit. Care Med. 1996. Vol. 24, № 7. P. 1125–1128.

Bone R. C. A personal experience with SIRS and MODS // Ibid. № 8. P. 1417–1418.

Cui X. Mechanisms of early gastrointestinal ischemia after burn: hemodinamics and hemo-rrheologiefeatures // Chin (China) Jul. 1998. Vol. 14, № 4. P. 262–265.

Dancey D. R. ARDS in patients with thermal injury // Int. Care Med. 1999. Vol. 25, № 11. P. 1231–1236.

Filston H. C. Whats new in pediatric surgery // Pediatrics. 1995. Oct. P. 748–757.

Fu X., Shen Z., Chen J. et al. Randomised trial of use of topical recombinant bovine basic fibroblast grows factor for second-degree burns // Lancet. 1998. № 352. P. 1661–1664.

Givner L. B. Invasive disease due to group A betehemolytic streptococci: continued occurrnce in children in North Carolina // South Med. J. 1998. Vol. 91. P. 333–337.

Govis R. I. A mediators of multiple organ failure // Int. Care Med. 1990. Vol. 16. P. 192–195.

Housnger T. A., Brinkerhoff C., Warden G. D. The relationship between platelet count, sepsis, and survival in pediatric burn patients // Archives of surg. 1993. Vol. 128, № 1. P. 65–66.

James J. H., Luchette F. A., McCarter F. D. et al. Lactate is an unrealiable indicator of tissue hypoxia in injury or sepsis // Lancet. 1999. Vol. 354, № 7. P. 505–508.

Lima L. A., Murphy J. F. et al. Neonatal. Parenteral Nutrition with a fat emulsion containing medium chain triglycerides // Acta Paediatr. 1988. № 77. P. 332–339.

Lu S. The effect of tangential excision on the local Il–8 release and wound inflammatory response in deep-partial thickness burn // Chin (China). 1998. Vol. 14, № 4. P. 255–257.

Reff K., Wicklmayr M et al. Inhibition of muscular ketone extraction by lipide infusion in man // Horm. Metabol. Res. 1988. № 20. P. 502–505.

Renz B. M., Sherman R. Exposure of buttock burn wounds to stool in scald-abused infants and children: stell-staining of eschar and burn wound sepsis // Am. Surg. 1993. Vol. 59, № 6. P. 379–383.

Richelle M., Rubin M., Kulapongse S. et al. Plasma lipoprotein pattern guring long-term home parenteral nutrition with two lipid emulsions // J. of parenteral and enteral nutrition. 1993. Vol. 17, № 5.

Robbins M. R., Smith R. S., Helmer S. D. Serial pHi measurement as a predictor of mortality, organ failure, and hospital stay in surgical patients // Am. Surg. 1999. Vol. 65, Aug. P. 715–719.

Stell J. M., Law E., Thiruvaiyaru D. et al. Central line-related sepsis in acute burn patients // Am. Surg. 1998. Vol. 64, Feb. P. 165–170.

Zhuming Jiang M. D., Shiyuan Zhand M. D. et al. A comparison of medium-chain and long-chain triglycerides patients // Ann. Surg. 1993. Vol. 217, № 2. P. 175–184.

Zimmerman I. I., Ringer T. V. Inflammatory Responses in sepsis // Crit. Care Clin. 1992. Vol. 8. P. 163–189.

Н. П. Насонова, В. М. Егоров, Е. В. Девайкин, В. В. Цап, В. Н. Пермяков, П. О. Зырянов, В. Б. Полякова, В. В. Чепелев

Уральская государственная медицинская академия, городская детская многопрофильная больница № 9, городская детская инфекционная больница № 4, областная детская клиническая больница № 1 (Екатеринбург)

ТРАХЕОСТОМИИ У ДЕТЕЙ В НЕОТЛОЖНОЙ РЕАНИМАЦИОННОЙ ПРАКТИКЕ

В ургентных клинических ситуациях нередко возникает необходимость в восстановлении проходимости дыхательных путей. Наиболее часто применяется оротрахеальная или назотрахеальная интубация. Между тем пациенты палат интенсивной терапии с тяжелой постреанимационной болезнью и полиорганной дисфункцией находятся на искусственной вентиляции легких длительно. В связи с этим следует отметить, что продленная интубация трахеи нередко ведет к ряду осложнений.

К ним, в первую очередь, относятся травмы слизистой оболочки в области межчерпаловидных хрящей, исходом которых становится постинтубационная гранулема или рубцы (Горбунов, 1999; Яблонский и др., 2000). Чаще всего их причиной являются изъязвления слизистой оболочки голосовых связок на участке, расположенном над черпаловидными хрящами, в межчерпаловидной области и над перстневидным хрящом. Встречается, кроме того, и ишемический некроз стенок трахеи с исходом в тубулярный стеноз.

Реже можно обнаружить артрит перстнечерпаловидных суставов, заканчивающийся анкило-

зом и срединным стенозом гортани. Кроме того, к осложнениям длительной интубации трахеи относятся хондроперихондрит гортани и трахеомаляция шейно-грудного отдела трахеи, папилломатоз гортани и т. д. (Цветков и др., 2000).

Как показывают клинические наблюдения, интубация длительностью до 7 сут имеет частоту подобных осложнений до 37%. В то же время пребывание эндотрахеальной трубки в дыхательных путях более 7 дней по статистике заканчивается осложнениями в 61% случаев (Атясова и др., 2000; Гнусаев и др., 2000; Горбунов, 1999). Наиболее часто данные осложнения связаны с процессом интубации и переинтубации, с переменой положения трубки, раздуванием манжеты (в связи с нарушением капиллярного кровообращения, приводящего к некрозу слизистой оболочки, воспалению и развитию грануляций). Этот процесс, как правило, наиболее выражен через 10 – 14 сут после начала ИВЛ.

В дальнейшем происходит повреждение морфологической структуры дыхательных путей, что ведет к нарушениям ряда физиологических механизмов, таким, как несмыкание голосовой щели, нарушение кашлевого механизма с последующей задержкой секрета и аспирацией, дисфония, стридор, диспноэ и охриплость голоса.

В последние годы, в связи с широким внедрением в реанимационную практику небулайзерной терапии, значительно сократилось количество интубаций и ИВЛ у детей с ларингостенозами и обструктивными заболеваниями трахеобронхиального дерева (Атясова и др., 2000; Бжассо и др., 2000). Эта тенденция прослеживается и в тактике оказания неотложной реанимационной помощи детям г. Екатеринбурга. Количество случаев наложения трахеостом в ОРИТ соматического профиля за последние 3 – 5 лет сократилось с десятков до единиц (Камышова и др., 2000; Старикова и др., 1999; Царькова и др., 1999; Чередниченко и др., 1999).

Иная картина представляется в ургентной реанимационной практике, где наибольший поток пациентов составляют дети с термической и термоингаляционной травмой, тяжелой сочетанной и изолированной черепно-мозговой травмой, у которых отсутствует альтернатива длительной ИВЛ (Исхаков и др., 2000; Козулин и др., 1999; Филимонов и др., 1999; Яблонская и др., 1999). Профилактикой интубационных осложнений у этих пациентов является плановая трахеостомия, при планируемой длительной ИВЛ она должна быть произведена не позднее 6 – 7-х суток. Пациенты с тяжелой черепно-мозговой травмой в коматозном состоянии нуждаются, как правило, в более ранней трахеостомии – на 3 – 4-е сутки при отсутствии положительной динамики.

Целью многоцентрового контролируемого исследования трахеостомий у детей явилось определение показаний к наложению трахеостомы, выявление осложнений, связанных с данной операцией, и оценка эффективности лечения детей в критических состояниях с применением метода трахеостомии.

Исследовано 69 детей в возрасте от 28 сут до 14 лет, находившихся на лечении в трех клиниках: областной детской клинической больнице № 1, городской детской многопрофильной больнице № 9 и городской детской инфекционной больнице № 4. Наблюдения проводились с 1997 по 1999 г. Основные патологические состояния, при которых производилось наложение трахеостомы, – тяжелая термическая травма, тяжелая черепно-мозговая травма, инфекционный энцефалит, инфекционно-аллергические заболевания трахеобронхиального дерева и врожденные пороки развития.

Критериями включения были детский возраст, длительная респираторная поддержка, тяжелое состояние при поступлении в клинику, факт наложения трахеостомы. С целью контроля была сформирована группа пациентов из 20 человек с подобными характеристиками, но прошедших лечение без наложения трахеостомы, т. е. с применением длительной эндотрахеальной интубации. Всем детям осуществлялась ИВЛ современными респираторами.

При формировании базы данных отмечено, что наибольшее количество трахеостомий – 26 приходится на 1997 г., в то время как на 1998 и 1999 гг. – 23 и 20 соответственно. Отмечена связь с поступлением в 1997 г. большего количества детей с тяжелыми черепно-мозговыми травмами (ТЧМТ) и термическими поражениями (ТП) и пиком летальности за последние 5 лет (табл. 1).

Средний возраст у детей с ТЧМТ составил 9,5 ± 0,7 лет, у детей с инфекционным энцефалитом – 6,3 ± 0,5 лет, у детей с ТП – 4,41 ± 0,4 года. Самую младшую группу – 5,5 ± 0,5 месяцев – составили дети с обструктивными заболеваниями и врожденными пороками развития. Сроки наложения трахеостом варьировали в пределах 1 – 5 сут и составили в среднем 6,28 ±

Таблица 1

Клиническая характеристика пациентов с трахеостомой, лечившихся в ЛПУ г. Екатеринбурга

Показатель	ДМБ №9	ОДКБ №1	ДИБ №4
	Черепно-мозговая травма, термические поражения	Обструктивные заболевания ТБД, врожденные пороки развития	Вирусный энцефалит
Количество больных	31+22 = 56	12	4
Возраст, годы	9,5±0,7 / 4,41±0,4	5,5 мес.	6,3±0,5
Срок наложения трахеостомы, сут	6,28±0,6 / 6,8±0,8	56,7±4,2*	9,0±1,1
Койко-день общий, сут	37,7±2,1 / 48,8±3,6	103,8±8,2*	65,4±5,7
Койко-день в РАО, сут	18,2±1,0 / 27,4±1,4	93,6±7,2*	59,5±5,1*
Продолжительность ИВЛ, сут	14,2±0,7 / 20,0±0,9	66,4±6,4*	45,2±4,2*

Примечание. В числителе — показатели больных с ЧМТ, в знаменателе — с ТП; * — $p < 0,05$ — достоверные отличия.

0,38 сут. Наибольшая длительность сроков (56,7 ± 4,2 сут) была у детей с обструктивными заболеваниями легких и врожденными пороками развития.

Все пациенты длительно находились на лечении в реанимационных отделениях и наименьшие сроки лечения были у пострадавших с ТЧМТ (18,2 ± 1,6 сут, из них 14,2 ± 1,1 сут на ИВЛ), а наибольшие — у детей с обструктивными заболеваниями и врожденными пороками развития (93,6 ± 4,8 сут, из них 66,4 ± 3,7 сут на ИВЛ). Из всех пострадавших 18 человек погибло (33%), 35 выжило (67%).

В целом, характеризуя группы как клинически, так и прогностически, необходимо отметить крайнюю тяжесть состояния и осложненность клинического течения процесса. Так, острый респираторный дистресс-синдром отмечался у всех пациентов (100%), так же как и дисфункция ЦНС. На втором месте по частоте развития во всех группах находилась сердечно-сосудистая дисфункция (80,6 — 95,4% пациентов), на третьем — гиперметаболизм с синдромом кишечной дисфункции (от 70,96 до 81,8% у пациентов с различными нозологическими формами). Далее — ОПН (36,3 – 64,5%), дисфункция системы гемостаза (36,3 – 54,8%) и острый токсический гепатит (18,1 – 48,4%).

Проведенный анализ показал, что наибольшая тяжесть полиорганной дисфункции наблюдалась у детей с ожогами, наименьшая — у пациентов соматического профиля. Однако стадийность вовлечения различных систем в ПОН и законы ее развития у всех пациентов были однотипны: дыхательная система являлась первой и наиболее тяжело страдающей, независимо от характера патологического процесса.

Острый респираторный дистресс синдром (ОРДС) — это универсальный патологический процесс, формирующийся у больных в критических состояниях независимо от характера пускового механизма. В результате отрицательных нейрогуморальных влияний, патогенных межклеточных взаимодействий и тромбоза легочных микрососудов у пострадавших резко снижается число функционирующих респиронов. Причина артериальной гипоксемии у больных с ОРДС — это рестриктивное расстройство внешнего дыхания.

Особенностью ОРДС у детей является период «мнимого благополучия». Ребенок достаточно длительное время выглядит компенсированным внешне, в то время как процессы ПОЛ и патологического шунтирования уже запускают свои «порочные круги».

Уже в первые минуты после шокогенного воздействия (травма, гипоксия, тяжелый инфекционный процесс) ноцицептивная афферентация активирует симпатический отдел вегетативной НС. При этом возрастает уровень возбуждения симпатических центров, представленных в преоптической области гипоталамуса.

На периферии симпатическая стимуляция ведет к патогенному спазму легочных капилляров. Рост сопротивления кровотоку дистальнее легочных капилляров вызывает стаз в легочных сосудах, их тромбоз и отек легочной мембраны. Отрицательные нервные влияния на легочную паренхиму закладывают основу развития ОДН и ее крайней стадии — ОРДС.

Показания к наложению трахеостомы выставлялись реаниматологами. Операция в большинстве случаев выполнялась специалистами-отоларингологами, что сводило до минимума риск развития осложнений. Так, лишь у одного ребенка отмечено кровотечение из операцион-

ной раны в ближайший послеоперационный период, что составило 1,6% (по данным мировой статистики, осложнения трахеостомий варьируют от 1 до 2%).

Наиболее частым показанием к наложению трахеостомы была оптимизация условий санации трахеобронхиального дерева (81,8%). Это обусловлено в основном наличием рентгенологических изменений со стороны легких (56,9%) в связи с аспирацией в момент травмы у детей с ТЧМТ (18,2%) и термоингаляционным поражением у детей с ТП (38,7%). Кроме того, у 9,1% пострадавших выявлен ушиб легкого.

Характерной особенностью детей с термической травмой является наличие сознания в процессе проведения ИВЛ. Так, 27 детей с ожогами (87,1%), несмотря на тяжелую ПОН (не менее 4 систем) и обширные повреждения кожного покрова, полностью восстановили адекватное сознание на момент определения показаний к наложению трахеостомы. После операции с ними стал возможен контакт, они частично начали принимать пищу через рот, что имело для них важное клиническое и психологическое значение.

Нельзя не отметить и более редкие, но не менее важные предпосылки к наложению трахеостомы. Это назальная ликворрея (9,1%), переломы костей лицевого скелета (4,5%), отсутствие возможности назотрахеальной интубации в связи с анатомическими особенностями (19,35%) — узость носовых ходов, искривления и сужения в области хоан.

У пациентов с вирусным энцефалитом одним из ведущих показаний являлось отсутствие кашлевого рефлекса и положительной неврологической динамики. У больных с обструктивными заболеваниями трахеобронхиального дерева и врожденными пороками развития отличительной чертой являлось развитие рубцового стеноза гортани. Причиной его развития послужила длительная интубация и многочисленные переинтубации трахеи.

Несмотря на разнообразие показаний к проведению ИВЛ через трахеостому, во всех изученных случаях главной конечной целью являлась оптимизация транспорта кислорода. Учитывая крайнюю степень тяжести состояния пациентов, из дальнейшего исследования были исключены пострадавшие с летальным исходом. У выживших изучена динамика газообмена на трех этапах: до наложения трахеостомы, после ее наложения и спустя трое суток (табл. 2).

Таблица 2

Основные показатели газообмена на этапах исследования

Показатель	До операции	После операции	Спустя 3 сут
FiO_2, %	0,52±0,06	0,43±0,04	0,31±0,03*
SpO_2, %	94,8±0,2	95,2±0,2	97,0±0,05*
$AaDpO_2$, мм рт. ст.	196,6±2,6	189,8±2,4	86,4±1,7*
PaO_2/FiO_2	161,8±1,9	297,8±1,7	363,3±3,6*

* — достоверность различий, $p < 0,05$.

Анализ газообмена показал достоверное улучшение показателей, связанное с оптимизацией респираторной функции. Так, уже спустя 3 сут после операции отмечается регресс тяжелого острого респираторного дистресс-синдрома, индекс оксигенации PaO_2/FiO_2 приближается к нормальным значениям — 363,3 ± 3,6, что достоверно превышает исходные ($p < 0,05$).

Отмечено также достоверное снижение альвеолярно-артериальной разности с 196,6 ± 2,6 до 86,4 ± 1,7 мм рт. ст., что говорит об улучшении состояния альвеоло-капиллярной мембраны и также подтверждает регресс ОРДС. В условиях более адекватного газообмена появляется возможность применения более физиологичные режимы ИВЛ, и уже спустя 3 сут количество кислорода во вдыхаемой смеси было снижено с субтоксического (0,52 ± 0,06%) до более физиологичного (0,31 ± 0,03%, $p < 0,05$).

Оптимизация транспорта кислорода является приоритетным направлением в терапии ПОН. Так, несмотря на несовершенство адаптивных систем и функциональную незрелость, большая часть детей, перенесших дисфункцию четырех и более систем (4,5 ± 0,34), была экстубирована, деканюлирована и выписана домой.

Двое детей после перенесенного обструктивного бронхита выписаны домой с трахеостомическими канюлями. Причиной носительства у первого ребенка являлась травматичная интубация с отрывом лоскута слизистой оболочки гортани, у второго — длительная ИВЛ через эндотрахеальную трубку (46 сут) и множественные переинтубации трахеи. У остальных пациентов отдаленных осложнений, связанных с наложением трахеостом, после проведения опроса специалистов выявлено не было.

Таким образом, предполагаемая длительная

эндотрахеальная ИВЛ в условиях ограниченной возможности активного дренирования трахеобронхиального дерева имеет доказанную альтернативу. Ежедневная смена канюли с обработкой тканей вокруг стомы, использование канюль из пластичного материала и разной длины позволяют избегать осложнений инфекционного и трофического генеза. У всех выживших детей трахеостомические отверстия самостоятельно закрылись на 1–5-е сутки после деканюляции (чем младше возраст ребенка, тем быстрее заживление раны).

Сравнение с контрольной группой не выявило увеличения количества случаев пневмонии и генерализации инфекционного процесса. В контрольной группе у 6 детей (30%) экстубация произведена со второй или третьей попытки, а у 4 (20%) имелись выраженные признаки стеноза гортани в области голосовых связок и под ними, что потребовало применения длительной ингаляционной терапии и физиотерапевтического лечения (магнитотерапия).

Таким образом, трахеостомия является альтернативным методом обеспечения проходимости дыхательных путей и профилактики постинтубационных осложнений. Показанием к ее использованию служит оптимизация условий дренирования трахеобронхиального дерева при рентгенологически доказанных изменениях дыхательной системы в связи с аспирационным синдромом, ушибом легких, термоингаляционной травмой и предполагаемой длительной респираторной поддержкой.

У детей с термическими поражениями показанием для наложения трахеостомы также является необходимость продленной ИВЛ в условиях восстановленного сознания. У детей с ТЧМТ, находящихся в коматозном состоянии, дополнительными показаниями к наложению трахеостомы могут быть назальная ликворея и переломы костей лицевого скелета.

Литература

Атясова Т. Г., Дзюбич Л. И., Батракова В. М. и др. Опыт интенсивной терапии тяжелых форм обструктивных бронхитов у детей первого года жизни // Неотложные состояния у детей: Материалы VI конгресса педиатров России. М., 2000. С. 43.

Бжассо К. И., Соболева Н. Г., Гриценко А. И., Али Салман. Дифференцированный подход к оказанию неотложной помощи при ОДН // Там же. С. 60.

Гиусаев С. Ф., Белов Ю. И., Титов И. Н., Кучин А. И. Тактика ведения детей с обструктивным стенозирующим трахеобронхитом вирусной этиологии // Там же. С. 89.

Горбунов В. А. Ятрогенные осложнения при интубации трахеи и трахеостомии // РМЖ. 1999. № 3. С. 32–34.

Исхаков О. С., Басенцян Ю. Г., Чернышева Г. А. и др. Тяжелая черепно-мозговая травма у детей, особенности лечения и возможности восстановления // Неотложные состояния у детей. С. 124.

Камышова Е. А., Якушенко М. Н., Эльчепаров М. М. Оптимизация бронхолитической терапии у детей раннего возраста с синдромом бронхообструкции // Там же. С. 128.

Козулин Д. А., Шлык И. В., Малахова М. Я., Дмитриенко О. Д. Диагностический алгоритм повреждения органов дыхательной системы обожженных при многофакторном поражении // Материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. по проблеме термических поражений. Челябинск, 1999. С. 119–121.

Старикова М. Г., Сабитов А. У., Ольховиков А. И., Чеснакова О. А. Оптимизация терапии крупа у детей // Интенсивная терапия в педиатрии. Екатеринбург, 1999. С. 50–51.

Филимонов А. А., Алексеев А. А., Жегалов В. А., Толстов А. В. Диагностика и лечение комбинированной термоингаляционной травмы // Материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. по проблеме термических поражений. С. 142–144.

Царькова С. А., Ястребова Е. Б., Павленко Т. П. Алгоритм оказания неотложной помощи детям раннего возраста с обструктивным синдромом // Интенсивная терапия в педиатрии. С. 56–58.

Цветков Э. А., Солдатский Ю. Л. Неотложная помощь при ювенильном папилломатозе и гортанотрахеальных рубцовых стенозах // Неотложные состояния у детей. С. 303.

Чередниченко А. М., Рожкова Л. В., Карцева М. В., Савельев Е. И. Небулайзерная терапия и ее применение при оказании неотложной помощи больным с обструктивным синдромом // Интенсивная терапия в педиатрии. С. 58–59.

Яблонская И. Л., Филимонов А. А. Терапевтические аспекты комбинированной термо-ингаляционной травмы // Материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. по проблеме термических поражений. С. 151–153.

Яблонский С. В., Водолазов С. Ю. Современные аспекты трахеотомии у детей // Неотложные состояния у детей. С. 331.